

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОМ ВЗГЛЯДЕ НА СУЩНОСТЬ ФИКТИВНОГО КАПИТАЛА И ПРОБЛЕМУ ЕГО ВИРТУАЛИЗАЦИИ

© 2016 К.Н. Ермолаев*

Ключевые слова: титульный капитал, капитал-собственность, ожидаемая ценность, фиктивный капитал, фиктивная стоимость.

Рассматривается методологическое значение авторской трактовки категории “титульный капитал” для анализа сущности фиктивного капитала и его виртуализации, что чрезвычайно важно для анализа новых явлений и тенденций развития финансового рынка постиндустриальной экономики в эпоху глобализации.

Исследования природы капитала, воплощенного в титулах собственности (в ценных бумагах, производных финансовых инструментах и т.п.), имеют многолетнюю историю. В работах К. Маркса¹ и Р. Гильфердинга² такой капитал характеризовался как “фиктивный”, не имеющий вещественного содержания и собственной стоимости, как специфическая разновидность капитала, не соответствующая канонам трудовой теории стоимости, существенно отличающаяся от реально функционирующего действительного капитала, разрывающая естественную непосредственную связь собственности с производством. Эти представления закрепились в качестве основополагающих в трудах их последователей в советской и современной российской экономической литературе.

Позднее, в 60-80-х гг. XX в., в работах советских и российских экономистов³ были существенно расширены представления о причинах возникновения, о существенных признаках, типологии, развитии и субстанциональной основе фиктивного капитала, а также о его отличиях от реально функционирующего действительного капитала. Однако принципиальные подходы к пониманию природы первого из указанных видов капитала не изменились. Всеми авторами он трактовался как фиктивный, как антипод реально функционирующего действительного капитала, не играющий никакой положительной роли в процессе воспроизводства.

Результаты исследований наряду с серьезными достижениями продемонстрировали свою известную ограниченность, связанную

как с преувеличением значимости и с абсолютизацией трудовой теории стоимости в целом и применительно к объекту исследования, так и с господством изолированного подхода к рассмотрению самой данной категории вне связи с развитием капитала как системного явления. В единстве эти две предпосылки привели к тому, что и большинство современных авторов отождествляют капитал, воплощенный в титулах с фиктивным капиталом, трактуют его как своеобразную экономическую аномалию, как капитал, лишенный вещественного содержания, не имеющий собственной стоимости. Схематично господствующая точка зрения по проблеме представлена на рис. 1.

В наши дни проблема вновь актуализирована благодаря выходу третьего, исправленного, существенно дополненного и качественно измененного издания монографии А.В. Бузгалина и А.И. Колганова “Глобальный капитал”⁴, которое является значительным событием в развитии современной экономической теории. Будучи интегральным результатом многолетних исследований авторов, этот пролегомен “Капитала” XXI в., преследующий цель реактуализации методологии К. Маркса с позиции постсоветской школы критического марксизма на основе диалектики “снятия-развития”, посвящен исследованию системных трансформаций производственных отношений капитализма.

Данная монография представляет собой системное изложение методологии и теории критического марксизма, имеющее общенаучное и методологическое значение, поскольку

* Ермолаев Константин Николаевич, доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета. E-mail: ermolaevkn@yandex.ru.

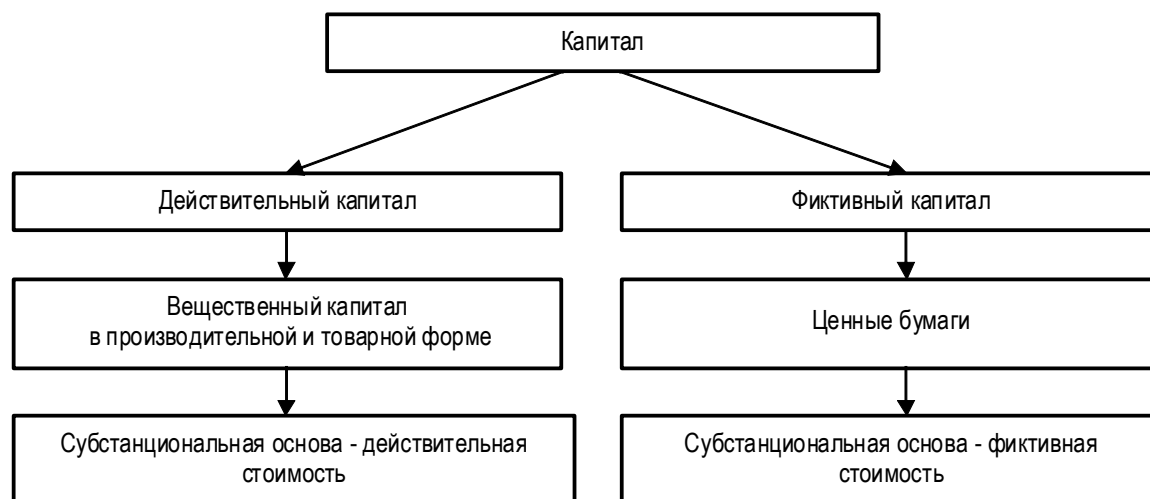


Рис. 1. Сложившиеся научные представления относительно природы фиктивного капитала

ку существенно обогащает научное видение, инструментарий и объект любого научного исследования в сфере экономической теории вне зависимости от различий во взглядах на природу и содержание анализируемых экономических явлений и процессов.

Вместе с тем, занимающие одно из центральных мест монографии идеи авторов относительно фиктивности современного глобального капитала и его виртуализации, несмотря на логическую стройность и всестороннюю аргументацию, далеко не бесспорны. Изложение альтернативной позиции по данной проблеме представляется весьма принципиальным, потому что рассмотрение “виртуального фиктивного финансового капитала” для авторов книги имеет концептуальное и фундаментальное значение, отражая едва ли не самый существенный результат современного этапа системной трансформации капиталистических отношений. Мы согласны с базовым методологическим подходом авторов, по которому конкретное есть результат вместе с саморазвитием (с генезисом - развитием - самоподрывом на основе прогресса), при котором самоподрыв системных основ явления рассматривается как важнейшее условие его самосохранения. Но при этом автор статьи придерживается мнения, согласно которому научный анализ данного феномена требует филигранной точности и полной адекватности оценок всех его наиболее существенных характеристик, не допускающих преувеличения или преуменьшения их значимости, исключая двусмысленность в толковании базовых понятий.

Авторы монографии рассматривают фиктивный капитал и как результат трансформации денег из товара-эквивалента в виртуальные деньги, и как глобальный конкретно-всеобщий феномен, выступающий стихийным регулятором движения таких денег, всеобщим регулятором “сетевого” рынка, универсальным “оценщиком” финансовых активов, универсальным механизмом трансакций. Кроме того, авторы характеризуют его как превратную (видимостную) форму, отражающую мнимое содержание, принципиально отличное от действительного, функционирующую в превратном (общественно бесполезном, не создающем материальных и культурных благ) секторе позднего капитализма (в сфере многократно мультиплицированных превратных форм), благодаря которым прибыль генерируется в сфере обращения, а также реализуется гегемония глобального корпоративного капитала. Данную сферу авторы оценивают как паразитическую, раковую опухоль на теле стареющего капитализма.

Авторы монографии полагают, что это видимостное, превратное, “перевернутое” содержание данного явления неслучайно и адекватно отражает внешние, видимостные, маскирующие сущность механизмы функционирования рынка. Эти механизмы отражают отрыв движения денежного капитала от движения действительного (производительного) капитала, что выражается в угнетении “правомерных”, “естественных” функций денежного капитала (т.е. тех, что обусловлены его генезисом как средства обслуживания движения производительного капитала, его быти-

ем-для-иного) и росте его “самодовлеющих” функций (для-себя-бытия), основанных на использовании спекулятивных эффектов.

Генезис виртуального фиктивного финансового капитала, по мнению авторов, отражает самоподрыв системообразующих производственных отношений капитализма на базе их прогресса, подрыв капиталистического производства, поскольку, будучи оторванным от материального производства по своей природе, такой капитал приобрел способность многократно увеличивать свои объемы и власть за счет неких виртуальных процессов в финансовой сфере, производства самого себя (денег) из самого себя (денег). Будучи продуктом развития глобализации, тотальных сетей и информационных технологий, этот капитал стал частью виртуальной реальности, воплощенной в электронных носителях, способных выражать сколь угодно большие денежные суммы в сколь угодно малом носителе, перемещать их с практически мгновенной скоростью, хранить сколь угодно долгое время без каких-либо издержек, осуществлять транзакции в два-три триллиона долларов в день. Это электронная форма существования сопровождается неопределенностью, нестабильностью, вероятностным и неустойчивым бытием.

Авторы монографии рассматривают возникновение виртуального капитала и обслуживающих его виртуальных денег как новейший этап эволюции форм существования капитала, как превращение фиктивного капитала в виртуальный капитал, т.е. капитал, стоимостная оценка которого неопределенна, место нахождения которого из-за частоты и многоступенчатости сделок также неопределенно, а собственник которого по той же причине расплывчат и неуловим.

Данные авторы характеризуют такой капитал как основу фиктивного (симулятивного) рынка, все атрибуты которого все более отрываются от своей основы (от частного труда обособленных производителей) и живут за счет самопродуцирования социально-экономической формы, где рыночные формы создаются другими рыночными формами и так далее безотносительно к их стоимостной, трудовой основе.

В качестве результата А.В. Бугалин и А.И. Колганов делают фундаментальный вы-

вод⁵, согласно которому виртуальная форма этого капитала оказывает, как было отмечено выше, значительное влияние на его содержание.

1. Виртуальный капитал становится принципиально более мобилен во времени и пространстве, нежели капитал, имеющий другую форму, а скорость оборота капитала имеет принципиальное значение. Виртуальное бытие капитала качественно увеличивает эту скорость, позволяет ему перемещаться в любые точки пространства с практически мгновенной скоростью и с минимальными “транспортными” издержками. Тем самым виртуальный капитал обретает такой носитель, такое материальное воплощение, которые сами по себе являются всемирными и вечными: информация устаревает лишь морально.

2. Виртуальный капитал-деньги оказывается связан с конкретным субъектом, с конкретным положением в социальном пространстве-времени лишь по форме собственности и может менять своего хозяина сколь угодно быстро и часто. Если добавить к этому зафиксированную ранее принципиальную сложность (т.е. такую сложность, когда отображение всех связей в системе уже невозможно) и размытость современной системы прав собственности, то станет ясно, что виртуальный капитал - это капитал, не только оторвавшийся от производства, но и не находящийся сколько-нибудь устойчиво в частной собственности каких-либо лиц. Такой капитал не является объектом сколько-нибудь устойчивого регулирования и контроля со стороны какого-либо лица.

3. Противоречие между свойствами информации и свойствами капитала, его отчуждение и присвоение становятся феноменами, зависимыми прежде всего от формальных и в то же время “виртуальных” правил, регулирующих движение капитала. Всякие материально-производственные и личностные связи постепенно исчезают и заменяются процессами, протекающими в компьютерных сетях, т.е. капитал становится зависимым от качества институтов, обеспечивающих поддержание и развитие капиталистической формы информационной сети в целом.

Тем самым, по мнению авторов, виртуальный характер капитала означает и существенные изменения в его социально-эконо-

мическом содержании. Этот носитель в принципе позволяет любому капиталу стать всемирным, вечным и предельно подвижным. Имеющий такой носитель капитал лишь формально связан с конкретным собственником, и эти связи постоянно меняются, что служит его атрибутивной характеристикой; он зависим во всех своих звеньях от единой информационной системы человечества (от хакеров, владельцев компьютерно-коммуникационных сетей) и является предельно могущественным и предельно уязвимым.

Мы полагаем, что оппонируемая точка зрения не является бесспорной, потому что имманентными, системными, сущностными свойствами фиктивного капитала называются виртуальность, симулятивность, превратность, свидетельствующие о самоподрыве атрибутивных свойств капитала как такового. Истоки данной позиции заключаются в воспроизведении на качественно новом уровне рассмотренной выше позиции сторонников трудовой теории стоимости, отождествляющих фиктивный капитал с другим феноменом (который мы характеризуем термином “титульный капитал”), что невольно приводит к представлениям о фиктивном капитале как о виртуальном капитале, олицетворяющем процесс “самоподрыва” и “самоотрицания” капиталом самого себя.

Мы полностью согласны с данными авторами в том, что современный глобальный капитал обладает рядом новых черт. Однако из вышеперечисленных процессов А.В. Бузгалин и А.И. Колганов делают выводы, с которыми сложно согласиться. Изменения в характере функционирования современного капитала указанные авторы объясняют его виртуализацией, перемещением в компьютерное киберпространство, в сферу транзакций, утратой связи со своей материальной основой и материальным носителем.

Автор придерживается иной точки зрения в понимании проблемы виртуализации капитала. Капитал в процессе развитии проникает в новые сферы социальных отношений и подчиняет их своему господству. Процесс превращения юридических титулов собственности в титульную разновидность капитала - часть этого поступательного процесса. В результате него титулы приобретают добавочное свойство - свойство быть формой ка-

питала-собственности. Приобретение титулами свойств капитала мы называем двуединым процессом титулизации капитала и капитализации титулов. Этот сложный процесс должен рассматриваться как проявление трансформации экономических отношений в институциональные и одновременной трансформации институциональных отношений в экономические.

“Титульный капитал” возникает на высокой стадии развития капиталистического способа производства и отражает процесс диалектического взаимодействия и своеобразного сращивания основного (капитал) и исходного (товар) производственных отношений капитализма, что в конечном счете приводит к появлению особого товара - “товара - капитала”. Формирование рынка этого специфического товара обуславливает возникновение особой разновидности транзакционных сделок инвестирования и заимствования капитала. Этот глубинный многосторонний процесс приводит к значительному изменению в формах существования капитала.

Постоянно возникающее противоречие между стремлением к ничем не ограниченному движению и материально-вещественной ограниченностью конкретных форм воплощения приводит на известном этапе к отмеченному К. Марксом специфическому диалектическому раздвоению капитала на капитал-собственность и капитал-функцию. Капитал-функция, или реально функционирующий, находящийся в товарной, производительной и денежной формах, функционирует в конкретной сфере экономики, реализуя свою репродуктивную и созидательную природу, непосредственно генерирует процесс самовозрастания стоимости. Капитал-собственность, представляющий собой обособленно обращающийся на финансовом рынке титул собственности на истинный капитал, существует в виде ценных бумаг, деривативов и структурных финансовых продуктов. Его предназначение - быть представителем истинного капитала на финансовом рынке и опосредовать перераспределение стоимости, собственности, риска и информации. Это особая, бестелесная, невещественная, лишь титульная форма существования капитала, опосредующая движение товара-капитала на финансовом рынке.

Благодаря возникновению и самостоятельному движению особого, “титульного” компонента, капитал как таковой, сохраняя свои атрибутивные свойства, переходит в принципиально новое состояние, демонстрируя целый ряд новых особенностей проявления своих сущностных свойств, о которых мы упомянули выше. Однако процесс виртуализации затрагивает не весь капитал как таковой, взятый в целом, а лишь его титульный компонент.

Возникновение титульного капитала в результате диалектического разъединения капитала-собственности и капитала-функции действительно предполагает отрицание титулом материально-вещественных свойств истинного капитала, его распрямление. Но это отрицание диалектическое, сопровождающееся сохранением “в снятом виде” сущностного единства и внутренней взаимосвязи между титульным и истинным капиталом как двумя диалектически противоречивыми сторонами единой сущности - капитала как такового. Это не подрыв капитала как явления - это воспроизведение в качественно новом виде коренной сущности капитала, раскрывающей новые его грани.

Титульная форма капитала, в нашем понимании, является его атрибутивной формой. Она характеризует будущее прогнозное состояние истинного капитала, отражая один из вероятных вариантов его будущего развития. В свою очередь, любой истинный капитал может рассматриваться как потенциальный титульный капитал, в развитом состоянии обязательно приобретающий свою титульную форму. Виртуальная разновидность титульной формы капитала, в нашем понимании, является ключевым моментом современного глобального рынка капитала. Она гармонизирует внутреннюю сущность и глобальную природу капитала с новыми реалиями эпохи глобализации и эры высоких технологий, что неизбежно усиливает финансовую турбулентность. Будучи наименее управляемой и наиболее нестабильной, такая разновидность фиктивного капитала требует качественно нового наднационального регулирования и соответствующей глобальной инфраструктуры.

Таким образом, мы рассматриваем виртуализацию как особую стадию развития ти-

тульного компонента капитала, а виртуальный капитал - как одну из форм существования титульного капитала. При анализе виртуализации необходимо избегать как ее недооценки, так и преувеличения и абсолютизации этого процесса. Виртуальная форма титульного капитала оказывает значительное воздействие на состояние и функционирование современного финансового капитала. Виртуальность заключается не только в электронной форме, но и в вероятностном, неустойчивом функционировании современного капитала.

Таким образом, автор убежден, что известная виртуализация означает не исчезновение и самоподрыв капитала, как это пытаются представить уважаемые вышеупомянутые авторы, а переход его в новое качество, в котором при сохранении его материальной основы и физической сущности одновременно возникают условия для принципиально новых технологических возможностей движения титульного капитала. Одновременно необходимо подчеркнуть, что те новые свойства и особенности современного капитала, которые подробно исследованы А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым, имеют большую научную ценность, поскольку позволяют, с одной стороны, точно охарактеризовать состояние современного глобального капитала, а с другой - более глубоко раскрыть природу титульного капитала и его адекватность проблемам и вызовам эпохи информационной, финансовой, постиндустриальной экономики на этапе глобализации.

Поэтому автор статьи полагает, что позиция оппонируемой точки зрения, вместе с лежащей в ее основе концепцией фиктивного капитала, отраженной на рис. 1, не является тупиковой, непродуктивной или полностью ошибочной. Мы полагаем, что эта позиция имеет несомненную самостоятельную научную ценность. И вся проблема заключается в том, что она развивалась применительно не к тому объекту. Практически все положения данной концепции, по нашему мнению, успешно применимы не к капиталу, воплощенному в титулах собственности, а к другому экономическому явлению - к монополизированному рентопроизводящему ресурсу, генерирующему рентные доходы и являющемуся фиктивным капиталом, диаметрально-

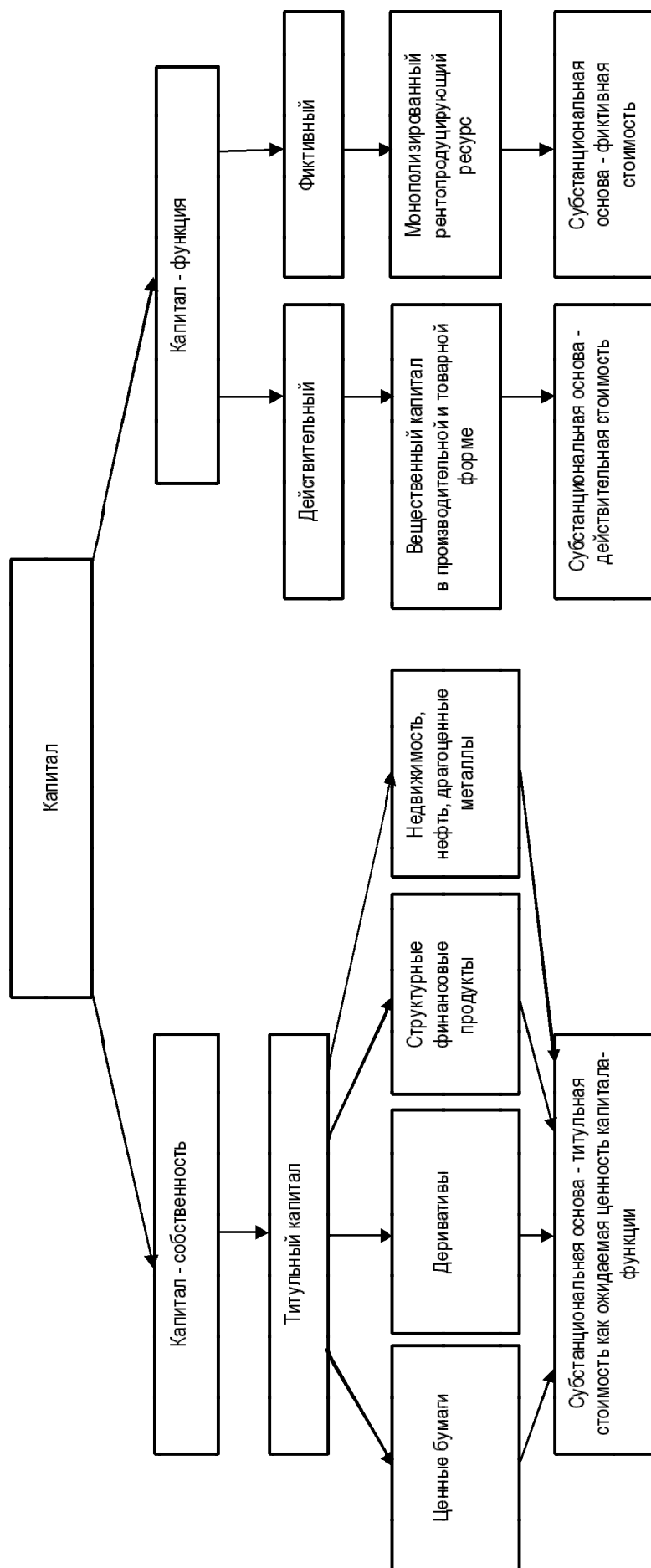


Рис. 2. Концептуальная модель различий и взаимосвязи фиктивного и титульного капитала, защищаемая автором

но противоположным действительному капиталу реального сектора экономики, на что недвусмысленно указывали Ж. Сисмонди⁶ и В. Зомбарт⁷. К глубокому сожалению, рентные аспекты теории фиктивного капитала длительное время вообще не брались во внимание практически всеми исследователями, и лишь в работах А.В. Мещерова⁸ они стали анализироваться и развиваться с использованием категорий “рента” и “ложная социальная стоимость”.

Мы также считаем, что прямое противопоставление титульного и действительного капитала не совсем корректно, так как они являются разнородными и относятся к разным сферам хозяйственных отношений: действительный - к экономическим, а титульный - к институциональным, действительный отражает капитал-функцию, а титульный - капитал-собственность. Схематично наша позиция представлена на рис. 2.

Позиция автора заключается в том, что господствующие в литературе представления о тождественности титульного и фиктивного капитала не соответствуют действительности, поскольку между титульным, действительным и фиктивным капиталом существует следующее соотношение:

1) титульный капитал - это воплощенный в форме титула капитал-собственность, относящийся к сфере институциональных отношений, существующий и функционирующий в сфере обращения, его субстанциональной основой выступает титульная стоимость;

2) действительный и фиктивный капитал - это разновидности капитала-функции, относящиеся к сфере базисных экономических отношений. В свою очередь, действительный капитал - это реально функционирующий капитал, приносящий прибыль, являющийся действительной стоимостью, существующий в производительной и товарной формах, а также это денежный капитал, обращающийся на финансовом рынке. Фиктивный капитал представляет собой монополизированный рентный ресурс, функционирующий как капитал, генерирующий рентные доходы, представляющий собой фиктивную, реально не существующую стоимость.

Такое понимание природы фиктивного капитала и сущности процесса виртуализации, не умаляя методологической и теоретической значимости концепции “виртуального фиктивного финансового капитала” А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, требует внесения существенных уточнений в характеристику указанного феномена нынешнего этапа системных трансформаций глобального капитала.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 18-80.

² Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М. : Соцэкгиз, 1959. 490 с.

³ Аникин А.В. Кредитная система современного капитализма (исследование на материалах США). М. : Наука, 1964. С. 28; Брегель Э.Я. Денежное обращение и кредит капиталистических стран. М. : Финансы, 1973. 355 с.; Коган А.М. Методология исследования кредита в “Капитале” К. Маркса // Вестник Московского университета. Серия 7, Экономика. 1967. № 4. С. 31; Краткий курс политической экономии : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н.А. Цаголова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 1973. Т. 1. 831 с.; Леонов С. Фиктивный капитал: содержание и виды // Экономические науки. 1980. № 9. С. 28-33; Мусатов В.Т. Некоторые вопросы анализа категории “фиктивный капитал” // Вестник Московского университета. 1976. № 5. С. 25-56; Розенберг Д.И. Комментарии к “Капиталу” К. Маркса. М. : Экономика, 1983. 720 с.; Трахтенберг И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 438-439.

⁴ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (“Капитал” re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М. : ЛЕНАНД, 2015. 912 с.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Сисмонди Жан-Шарль-Леонард Сисмонд де. Новые начала политической экономии. М. : Соцэкгиз, 1935. 472 с.

⁷ Зомбарт В. Современный капитализм. В 3 т. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма. М. ; Л. : Экон. б-ка, 1930. 511 с.

⁸ См.: Мещеров А.В. Действительная и фиктивная стоимость: ретроспективы и современность // Экономические науки. 2016. № 1 (134). С. 7-13; Мещеров А.В. Современная экономика и общий закон стоимости // Экономические науки. 2016. № 2 (135). С. 7-14.

Поступила в редакцию 12.05.2016 г.